

Такое мнение высказывают читатели газеты «В», возмущенные поведением тех, кто отдает приказы рядовым служащим, и тех, кто занимается расследованием автодорожной трагедии.

Полтора месяца прошло с того момента, когда бесшабашный контрактник Илья Ковалев, сидя за рулем многотонного КамАЗа, создал аварийную ситуацию, при которой от несовместимых с жизнью ушибов и травм, скончалась молодая женщина, а ее шестилетний сын остался сиротой. Об этой трагедии наша газета писала в материале «Дорога смерти» («В» № 27 от 11.07.2012).

В редакцию нашей газеты пришел Владимир Васильевич Золотарев, отец матроса Золотарева, который в тот злополучный день находился за рулем буксируемого УАЗа и рассказал то, что осталось за кадром дорожной аварии, и о чем военные предпочитают умалчивать:

«Я приношу искренние соболезнования родным и близким Елены Волковой, так рано ушедшей из жизни. Нам всем очень жаль, что остался сиротой ее сынок Максим. Но я очень хочу, чтобы военные следователи тщательно разобрались в происшедшем. После аварии мой сын попал в военный госпиталь, и к нему никого не пускали. Я с трудом к нему пробился, и все, что я сейчас расскажу, это со слов моего сына. В этот день, 1 июля, Василий вместе с лейтенантом Роговским должен был прибыть к Дому флота, но в пути у машины заклинило рычаг переключения скоростей, и все попытки разблокировать коробку передач успеха не имели. Лейтенант Роговский позвонил командиру части и попросил прислать машину для буксировки УАЗа. Приехал КамАЗ, за рулем которого сидел сверхсрочник Илья Ковалев, пообещавший научить моего сына, как надо ездить по городу. Стальной трос (более шести метров) закрепили за фаркоп многотонки и крюк УАЗа. Перед буксировкой мой сын попросил Ковалева ехать с маленькой скоростью и без рывков. Для буксировки выбрали дорогу через поселок Сероглазку. Шел сильный дождь, дорога была мокрой, и УАЗ постоянно выносило на встречную полосу. Перед самым окончанием спуска, водитель КамАЗа увеличил скорость, допустимую при буксировке, и не реагировал на световые и звуковые сигналы, которые подавал мой сын. А в это время задние колеса УАЗа заклинило, и он пошел юзом. Машину стало таскать из стороны в сторону, то на бордюр тротуара, то на «встречку». Затем произошел рывок, буксировочный крюк оборвался, и машину выбросило на встречную полосу лоб в лоб с иномаркой. Сын попал в военный госпиталь. Уже на следующий день в палату к нему пришла женщина и стала просить подписать бумаги, т.е. добровольно отказаться от всех страховочных выплат. А за это она пообещала ходатайствовать о выплате страховки, что-то порядка 50 тысяч рублей. Хорошо, что Василий не подписал этот документ. А вот следовательно фактически ввел его в заблуждение и дал на подпись то ли протокол, то ли акт, который был составлен со слов сверхсрочника Ковалева. А ведь сын находился в тяжелейшем состоянии. У него переломана и раздроблена бедренная кость левой ноги, имеются многочисленные ушибы и травмы. От боли он мало что понимал на второй день после аварии. Разве можно что-то предлагать подписывать человеку в таком состоянии? Потом начались проблемы с его лечением. Врачи сказали, что нужна дорогостоящая операция, но не факт, что он поправится. Нужна будет длительная реабилитация. Мы с женой уже официально заплатили за его лечение военному госпиталю 256 тысяч рублей. Что касается руководства воинской части, где уже год служит мой сын, то со мной никто не общался. Я с трудом дозвонился до прапорщика Сергея Макаренко и попросил его дать

телефон Ильи Ковалева, водителя КамАЗа. Но мне сказали, что он на работу не ходит. Не знаю, правда или нет, но, якобы, Ковалев сказал, что мой сын на ходу сам отцепил трос от КамАЗа. Как это можно сделать, я даже и представить не могу. Мы с женой надеемся на объективное и честное расследование. Хотя заочно сына объявили виновным. Я понимаю, что кто-то должен за все ответить. Поэтому следствие и должно установить истинную причину аварии и виновного».

Мы также решили позвонить прапорщику Сергею Александровичу Макаренко, в подчинении которого находился не только матрос Василий Золотарев, но и сверхсрочник Илья Ковалев, чтобы уточнить детали произошедшей аварии, а также узнать, что случилось с водителем КамАЗа Ковалевым, который так внезапно исчез. Прапорщик Макаренко был предельно краток и осторожен. Как выяснилось, сверхсрочник Илья Ковалев давненько на работе не появляется и что-либо сказать о его месте пребывания нет возможности, так же, как и об аварии.

Не означает ли это, что в воинской части 10103 напрочь отсутствует воинская и трудовая дисциплина? Если сверхсрочник Ковалев скрывается от следствия, то командование просто обязано объявить его в розыск. Если ему посоветовали на время следствия «залечь», то это – другое дело. А, может быть, как вариант, ему просто порекомендовали подать рапорт об увольнении. Такое часто практикуют наши силовые структуры, когда человек при погонах и присяге совершает какое-либо преступление.

Пришел в редакцию газеты и читатель Евгений Леднев, возмущенный, цитирую:

«Действием (бездействием) должностных лиц, не оказавших надлежащую своевременную квалифицированную медицинскую помощь пострадавшей в ДТП Елене Волковой». Евгений Сергеевич «усматривает в этом признаки преступления» и просит прокурора Камчатского края провести доследственную проверку в порядке статьи 144 УПК РФ, а также обеспечить прокурорский надзор за исполнением законодательства в ходе ее проведения и принятия решения в порядке статьи 145 УПК РФ.

Трудовой коллектив, в котором работала погибшая Елена Сергеевна Волкова, обеспокоен не только ходом следствия, которое растянулось почти на два месяца, но и тем, что шестилетний Максимка, потеряв маму, окажется без средств к существованию. Они считают, что следствие идет не по правилам, что фактический виновник разгуливает на свободе, а командование воинской части не хочет выплачивать компенсацию несовершеннолетнему ребенку по потере мамы, т.е. кормильца. Также им непонятно, отчего следствие называет виновником трагедии матроса, который был за рулем неуправляемого УАЗа. И даже, по их словам, уже изменена схема ДТП, но с какой целью военные следователи это делают, коллеги Елены Волковой понять не могут. Произошла страшная трагедия. Погибла молодая женщина. Без любящей мамы будет расти шестилетний Максимка. Но еще страшнее то, что взрослые дяди при погонах не могут набраться мужества и попросить прощения у малыша за то, что лишили его маму жизни. Жесткие и бессердечные, они трусливо прячутся за общую формулировку «тайна следствия», прикрываются словами «не имеем права, воинским Уставом не положено...». Оно и понятно, им не хочется отвечать за погубленную душу молодой женщины, за матроса, которого родители лечат за свой счет, за исковерканные машины, которые кто-то же должен восстанавливать. Ибо если ответить, то значит потерять свои насиженные командные места. Легче отвести глаза и сделать вид, что ничего страшного в трагедии нет. Подумаешь, ребенок остался сиротой, да мать ночи напролет льет слезы о своей, безвременно ушедшей из жизни дочери.

Но когда-нибудь, им все же придется держать ответ.